

© 2004 г. В.П. ГРИГОРЬЕВ

ЭВРИСТИКА И 4-МЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА*

Начну с примера – концовки цикла стихов, посвященного Блоку. Еще в 60-е гг. нашу группу словарников из представителей разных школ, отчасти главных, но не ведущих, занимала в этом цикле и заглавная экспрессема *ветер*. Итоги словарных экспериментов мы изложили в книге [Поэт и слово 1973], увы, отклика они не нашли. А те строки Пастернака, которые я сейчас приведу, естественно, сразу же после их появления, вызвали устойчивый интерес в обществе. Важно понять все в том, что именно его вызывает.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем (П956–59)¹.

Как словарники мы видели, что этот контекст, в отличие от многих других, уместен и в ряде статей на местоимения и даже строевые слова, но до идеи "эвристемы" было еще далеко. В то время казалось: понятие "идейно-эстетического" непоправимо вулгаризовано, а марристский "перебор" скомпрометировал и различие "языка как идеологии и как техники" у В.И. Абаева. Сегодня же "технари-антиидеологи" из числа поэтов, отбросив "как лишние" концепты "идея", "ЛОГОС" и "модель мира", возлюбили дизайн и рисуют себе "картинки с предмыслами" без "слова как такового".

Случилось так, что на протяжении полумесяца в одном и том же месте, с кафедры Ученого совета ИРЯ РАН, излагались точки зрения лингвистов на словесное творчество. Чем-то они близки друг другу, в чем-то разошлись. Этот мой доклад (он состоялся 29.01.04), предлагаемый здесь в виде самостоятельной статьи, не мог не быть соотнесен, в частности, с понятиями концепта в докладе Ю.Н. Караулова 15.01.04, активности и актуальности в докладе Н.А. Фатеевой 22.01.04. Однако задача, которую преследует эта статья, много шире. Речь идет о "мерности" языкового пространства. Вот три предваряющих замечания.

1. Слово *эвристика* давно вошло в словарь культуры. Думаю, что оно должно стать и специфическим термином лингвистики, а также филологии в целом. Основание для этого я вижу прежде всего в мощном множестве реальных контекстов поэтического словоупотребления, когда поэзия доступными ей способами и высказываниями стремится познать неизвестное, *новое*, достичь общезначимого *нового знания*. Вместе с тем настораживает: почему наша "когнитивная парадигма" так слабо связана с "языком как творчеством" и теми методами "эвристического моделирования", что присущи не только ученым, но также поэтам? Как ни специфичны в общем случае фрагменты мира, которыми заняты те и другие, Культура все же отбирает и хранит уроки

* Работу финансово поддержал РФФИ (грант 02-04-16015).

¹ В статье используется (с упрощениями) система паспортизации цитируемых контекстов, принятая в кн. [СЯРП 2001: 15].

как "физиков", так и "лириков" в определенном динамически едином и общедоступном для каждого поле знаний. "Принципы отбора/отбраковки" в "точных" и естественных науках и их языке работают в целом более надежно и целеустремленно, чем в гуманитарии. Но поэзия постоянно стремится не слишком отставать от них и, даже прикидываясь "глуповатой", тем вернее добивается высот "обманутого ожидания", а там добирается и до своего рода великих, четких и ясных истин.

Множество контекстов поэтического словоупотребления неоднородно. Вот два высказывания Пушкина: 1) "Глаголом жги сердца людей" и 2) "– Анджело бледнеет и трепещет / И взоры дикие на Изабеллу мечет...". Рольевые различия этих контекстов и множества их аналогов в нашей стиховой культуре – очевидны. Тем не менее мы обычно не задаемся вопросом о том, почему одни контексты становятся общеизвестными и популярными цитатами, другие же, при всем уважении к их структуре, языку и поэтике, их функциям в тексте и контексте всего авторского творчества, остаются за пределами общественного внимания. Впрочем, быть способен смягчать эту жесткую дистинкцию. Так, в семейном узусе и фраза с Анджело может стать средством снять раздражение, не менее действенным, чем ироническая поговорка "Самоварчик закипел".

И поэтому, обращаясь к концептам "идейно-художественного", нужно трезво учитывать взаимодействие *ratio* и *emotio*, возможности индивидуальных микросдвигов в них на базе вполне невинного контекста. Этому мешала бы установка на "чистую" лингвистику, на ее изоляцию от "транслингвистики", всей широты филологического спектра. А эта изоляция ощутимо двусторонняя. Ее невеселым результатом оказывается и въевшаяся в культуру бравада по поводу того, что, мол, нет вообще возможности доказать, будто Чехов "выше", чем Боборыкин, и т.п. Если так, то тем хуже для филологии.

2. Опасна и "прелесть" прямолинейности у *пространственных* образов и их "измерений". Убежденно называя Хлебникова со всей его поэзией и эвристикой *нашим Эйнштейном от гуманитарии*, я не имею в виду проводить при этом некой аналогии между "4-ым измерением языка" и представлениями Авангарда физической науки 10-х годов о пространственно-временном континууме. Но было бы ошибкой закрыть глаза на глубинные связи общих идей Эйнштейна или Минковского со сменой парадигмы в Авангарде словесного искусства. Известно, насколько важны были эти имена и категория мировых отношений для того же Хлебникова. Напротив, ни Блок, ни Маяковский не испытывали потребности проникновения к существу открытий в фундаментальной науке.

Упомяну здесь еще два имени. Эвристически богатую парадигму А. Белого отвлекли и от "событий глубины", и от "прямизны вестей" о точном знании не столько новое в метрике и ритмике, "звуковые громады" или контекст его "мелодизма", сколько погружение в эзотерическую эстетику. Многообещающий "опыт и лепет" Мандельштама (свободно используя в этом абзаце его образы) был жестоко оборван на самом пике стремлений "былого акмеиста" разобраться в эвристике Хлебникова. Так за "глубокими зигзагами" культуры и личными судьбами ее мастеров ускользало от них что-то первостепенное, а от нас – нестандартные связи языка и мышления, их идиосинкразии и идиостилией.

3. Известна полисемия слов *парадигма* и *контекст*. Надеюсь, не затруднит *ad hoc* и квазисинонимия слов *контекст* и *высказывание*. Я представляю не законченную по всем важнейшим деталям концепцию, а только первый очерк некоторой идеи. Она возникла в ходе работы над "Словарем языка русской поэзии XX века" [СЯРП 2001–2003] (так сказать, "Поэтическим Далем") и его близнецом-рефлексом – "Словарем эвристик" (по замыслу, – "Поэтическим Ожеговым" [Григорьев 1994]). У самой же идеи – глубокие и разнообразные корни. Меня они лишь укрепляют в мысли об особой перспективности намечаемой концепции.

Изберу такой план дальнейшего изложения.

А. Существо идеи отражает нижеследующая схема. Хотя она говорит сама за себя, все же сначала я кратко прокомментирую ее главные смыслы. Далее –

Б. Попутно затрону ряд корней – истоки и пути зарождения основной идеи Возрождения ее именно к Будетлянину, повторю и подчеркну, *нашему Эйнштейну от гуманитарии* – поэту, ученому и мыслителю в одном лице. При этом, конечно, более подробного анализа заслуживали бы, в частности, (1) оппозиция "статика/динамика" (как в велимироведении, так и в филологическом целом) и (2) ее связи со старой идеей "эстетического эксперимента" над языком и относительно новой – идеей "концептосфер". Но такой анализ, особенно в отношении (2), невозможен в рамках настоящей статьи. Наконец, –

В Приведу – в сокращении – статистические прикидки по результатам отбора нескольких сотен сильных контекстов в "Словарь эвриستم". Подробнее такие данные представлены в другом месте [Григорьев 2004г].

А

Обратимся к схеме

<u>Три -тики и три -[эмы]</u>	}	<u>Четвертые</u>
семантика синтактика прагматика	}	эвристика
~ема ~ема прагмема	}	эвристема

Эвристика – это не еще одна *-тика*, просто соположенная к трем нашим привычным лингвосемантическим ипостасям языкового пространства – семантике, синтактике и прагматике. По-своему она пронизывает каждую из них и охватывает все их вместе взятые, при всей зыбкости границ между ними. Мало того. Если принять "поэтический язык" за потенциально максимальное представление языка вообще (подход в [Coseriu 1971]), то в определенном аспекте эвристика потребует рассматривать себя и как доминанту в этом пространстве (подробнее см. [Григорьев 2003 а, б, в; 2004 а, б, в, г, д]).

Вообще говоря, именно к такой позиции ведет динамика отношений языка и мышления в когнитивной деятельности человека, а также проблематика тонких связей поэтического языка со "стилями научного мышления" и *качествами* художественной экспрессии в великой литературе Нового времени.

Альтернатива известна: ориентация только и только на "готовое знание", уже закрепленное в языке, иными словами, на ту же статику языка в ущерб его динамике. Но это и означает по-прежнему игнорировать: 1) "принцип единой левизны" (т.е. новизны) у Хлебникова; 2) реконструкцию "принципа единой полноты" у Пушкина (ср. его различие "двух родов бессмыслицы"); 3) куда более поздние высказывания выдающихся филологов, скажем, Тынянова или Лихачева, о "чопорном" отрыве искусства от науки и о "гносеологии в эстетике" [Григорьев 2000]; 4) критику той статики, на которую обречен фактор 'Контекст' в известной модели Якобсона, обусловивший некоторую недостаточность, неполноту его модели (ср. попытки расширить ее уже в 60-е годы [Григорьев 1966]).

У понятия эвристемы своя история, отчасти независимая от эвристики в предлагаемой мной экспликация. История – весьма драматическая. Однако поучительный рассказ о ней требует особого места и времени. Тот "Словарь эвриستم", над которым сейчас идет работа, первоначально носил название "Словаря избранных экспрессем". Понятие 'экспрессем' уже при своем рождении в 60-е годы учитывало и "иерархию" контекстов словоупотребления, и "идейное содержание", и "эстетический смысл", и "период превращения открытия в штамп" [Григорьев 1965: 26, 28, 31, 38, 43, 59 и др.].

Экспрессему я определял как "упорядоченное множество" контекстов. Но понадобились годы, чтобы, 1) опробовав разные меры упорядочения контекстных парадигм, найти оптимум в стреле времени, т.е. в хронологии; 2) осознать важность бифуркации

экспрессемы и на практике представить ее как пару "-эм" – *креатему* и *эвристему*, 3) предложить систему критериев отбора в "Словарь эвристем" (уже из "нашего Даля", с его нередко неохватными парадигмами) общественно значимых контекстов, особо учитывая их идейно-эстетические качества. Замечу: *креатему* как дублет экспрессемы Л.А. Новиков устно предлагал еще в 1978 г. Но тогда простое переименование мало что давало бы.

Таким образом, креатема – это новое имя старой экспрессемы. Эвристема, напротив, – новое понятие: оно охватывает в слове не всю его контекстную парадигму, как креатема, но лишь те контексты, которые признаются "сильными". Иначе говоря, эвристема – это "сильная" часть креатемы; последняя же включает в себя на равных правах и "сильные", и "слабые" контексты без заведомой предопределенности их статусной судьбы.

Системой критериев для разбиения креатемы на контексты двух классов предусмотрен приоритет общественной идейно-художественной значимости "сильного" контекста. Именно в этом его *specificum*, особое достоинство, ценность. Но нельзя не учитывать и известность контекста, т. е. цитируемость; (прото)афористичность; с особой осмотрительностью – возможности частичной, например, интонационной, трансформируемости; роль слова в создании особо яркого образа, в составе заглавия, посвящения, свежей и глубокой паронимии или рифмы; реплики поэтов о поэтах; и прочее. Поле "идейно-эстетического" буквально пронизано "этическим", поэтому во всех случаях оценок "силы" непременно присутствуют этические моменты. Система критериев открыта для уточнений: недавно мы расширили ее за счет такого КАЧЕСТВА контекстов, как фактор остроумия (подробнее см. [Григорьев 2003 б]).

"Сильные" контексты настолько разнообразны, что уловить их безупречным в логическом смысле определением на первых порах трудно, приходится апеллировать к иерархии намеченных критериев отбора и ориентироваться на уже наработанный массив прецедентов. Будучи на каждом шагу готовым к встрече с очередной "уникреатемой" и "униконтекстом", в то же время ощущаешь, сколь важны для общей унификации подходов и открытая система критериев отбора, и расширение круга уже принятых решений – опыт их взаимодействия.

Вот два примера "сильных" контекстов (у нечастых слов):

- 1) АВТОРИТЕТНО выпивший рабочий А. говорил другим, Что губит каждый день людей вино. Ирон. АБ907 (II,295).
- 2) АЙДА Ну, тащися, Сивка / Шара земного. / А. понемногу! Аллюз. Хл922 (173)

А вот примеры "слабых":

- 1) АВТОМОБИЛЬ Вдали пылило стадо. Вдруг я вижу: А. несется, как стрела Куз927 (290).
- 2) БАЗАРНЫЙ И хладнокровен средь базарных фурий Монументальный повар с броненосца. ОМ920 (127).
- 3) БЕЖАТЬ И видно бежала: чуть-чуть запылен Ее голубой башмачок. Цв910 (I, 109.2); Дикий чашник Гремел ковшом, и через край Бежала пена. П918 (I, 185); Неминых шашками секут, И вдруг – все в сторону бегут. Хл920 (275).

Оценочные просчеты в ту и другую сторону неизбежны не только на первых порах Добиться идеальной эмпатии в отношении вроде бы "сильного", но явно аномального контекста, обремененного явным акцентологическим нарушением, например, *времена*, как у Хлебникова, или допускающих разные интерпретации иных контекстов у позднего Мандельштама – задача пока в какой-то мере безнадежная и на чисто логическом уровне нерешаемая. С основной массой контекстов дело обстоит несколько проще. Каждый из нас обладает специфическим запасом эвристем. Он привычен, а

векторы его динамики достаточно устойчивы. Если общие части эвристик у составителей достаточно объемны, а несовпадающие окружения "своевольных контекстных оболочек" не приходят в непримиримое "идейно-эстетическое" противостояние друг с другом, то единодушие в оценке *i*-того контекста достигается относительно легко в поле прямых прецедентов или поправочных аналогий и экспертиз.

Малая известность несколько не препятствует признанию контекста "сильным". Мы убеждены, что "Словарь эвристик" предложит обществу многие сотни контекстов, ускользавших от его внимания, но вполне достойных известности в культуре. Это уже заметно при проекции такого словаря на словари цитат: ведь их материал определяют в основном эмпирия и рейтинги (см. о словаре К.В. Душенко [Григорьев 2003б]).

Здесь их слабость, но и преимущества видимой объективности и достаточно простой логики. Последняя очевидна в случаях, подобных строчкам из "Пророка" и "Анджелю" (их я цитировал в начале). Логика отбора контекстов для "Словаря эвристик" – сложнее. Признать контекст *или* "сильным", *или* "слабым" – это необходимое заключительное требование к составителям, но на пути к нему контексты проходят многократные испытания "логикой сомнений" – логикой *и – и*, далекой от алгоритмичной. Она несколько уменьшает опасность произвольных решений составителя, либерал он или/и ригорист в поисках "скатного жемчуга" контекстов. Возможно, такие осмотрительные "шаги итерации" сблизят нас и с новой "фрактальной логикой". (Хотя я вовсе не уверен, уместен ли здесь столь ученый термин.)

Б

Б1. Теперь – ряд соображений по поводу истоков главной мысли статьи. В последние месяцы 2003 г. внешне разрозненные занятия и очень давние идеи автора, неожиданно объединив свои ряды, устремления, самостоянья и голоса, стали, как мне и сейчас кажется, достаточной критической массой "наработок" для прорыва к некоторому новому представлению о самой сущности языка. Если здесь случай настоящего инсайта, то небезынтересны и питавшие его источники. Вот их сжатый до подобия конспекта перечень.

На первом месте (даже в просто автобиографическом плане) стоят Хлебников и углубление в исследования его творчества.

На втором – уникальное сочетание самых непосредственных и главных учителей. Имена А.А. Реформатского, В.В. Виноградова и Е.А. Бокарева можно не комментировать. Они учили находить особенно широко и остро мыслящих ученых, новые неожиданные идеи и т.д.

А далее импульсы шли уже естественным путем от словообразования и фонологии, поэтики и лексикографии. Пересечения этих и других дисциплин с Хлебниковым и привели к рождению *экспрессы*, а интерлингвистика усиливала интерес к эстетике *звездного языка*, к Бодуэну в его борьбе с младограмматиками, наследию Юшманова и т.д. Из этого разнообразия аттракторов назову еще лишь некоторые в приблизительно хронологическом порядке: структурализм, культура языка и языковая политика, МЛШ, Тынянов, та же этапная модель языковых функций Якобсона, лингвистические поэтика и эстетика, семиотика, обращение к архивам и проблемам текстологии, синергетика, Авангард, интеридиостилика, идеостиль, зангезийство...

Отдельную и особо значительную строку в свете проблемы "Принципы XX века" займут здесь имена Чехова, Нильса Бора, Сергея Мейена, ряд других и тема "Диалог и интеллигентность". Отмечу также свежие и перспективные инициативы журнала "Общественные науки и современность", обратившегося не только к острой критике нашей застойной "языковой политики", но и к общему дефициту научного общения [Григорьев 2003г; 2004в; Олейник 2004].

Б2. Еще несколько слов – об оппозиции "динамика/статика". Она особенно занимала Хлебникова именно в связи с проблемой *нового знания*: общего противостояния настоящего и будущего; критиков как "городовых от искусства", "послов стены", – и

поэтов, "послов хода, послов времени", бездумно сажаемых в "поэтическую кутузку"; государства с его "грубыми пальцами" – и по-своему "равновеликого" ему будетлянина с его "величием духа" как "рычагом в руке поэта" (эти размышления увлекали Глаздрасмысла и в начале 1920 г. в Харькове, и весной 1922 г. в Москве [РГАЛИ]).

По-видимому, типология "концептосфер", о которой говорил Ю.Н. Караулов, недостаточно учитывает именно динамику *нового знания* в поэзии, да и во всей культуре, т.е. ту хлебниковскую *движаву*, о которой мне уже приходилось писать [Григорьев 1999]. Но наши позиции могут существенно сблизить, во-первых, сам опыт коллегиальных словарных изданий и бездефицитного (бы) научного общения, а во-вторых, и такое понятие, как "эстетический эксперимент".

БЗ. Еще и сегодня понятия "эксперимент" и "словесное искусство" далеки в эстетике от отношений гармонии. Странно вспоминать, с каким недоумением отказывали в смысле, например, экспериментам Хлебникова. Расширив же узкие рамки "эстетического эксперимента" до художественного эксперимента вообще, мы должны будем признать условно экспериментальными тексты и контексты любого крупного (да и "рядового") художника слова. В том смысле, что они претендуют на общественную роль, на то, чтобы найти место в "потенциальной культурной парадигме" или хотя бы в уже действующей. Поэтому, и особенно в связи с идеей эвристики, сегодня важно было бы вернуться на новом этапе к трем памятным работам 70-х – 80-х годов, в которых по-разному были затронуты соответствующие проблемы, но которые "в связке" как будто не обсуждались [Левин и др. 1974; Степанов 1985; Иванов 1988].

Между тем из этой статьи Вяч.Вс. Иванова об "эстетическом эксперименте А. Белого", видимо, следует, что эксперименты в узком смысле поэт адресует, или должен адресовать, прежде всего самому себе и другу-единомышленнику: он производит их главным образом над планом выражения, хотя, по-своему, и в общеэстетических целях. Ср. полноплановые "эксперименты с содержанием" в серии неологизмов Хлебникова, непосредственно связанные с его "осадами", – и редукцию Логоса при *полупланных* "экспериментах с формой" в зауми Кручёных или "графизмах" Каменского и в наши дни.

Простые и даже примитивные примеры иногда могут больше сказать о сути дела, чем отвлеченные построения. Палиндромы известны как форма, особо трудная для выражения серьезных идей. Семен Кирсанов виртуозно справлялся с этой формой, но едва ли нас увлечет смысл таких его перевертней, как

Ментол глотнем? (е ≡ ё)

или

Ала

водила вниз инвалидов

искать такси.

Ср. экспериментальный, автоиронически глубокомысленный палиндром – нечто вроде обращения к партийному лидеру после выборов ("сильный" контекст с метафорой и игрой значений, сложившихся в "мудрую сентенцию"):

Сам дашол и доводи лошадь масс.

(с ≡ сс; ь ≡ Ø; [дашол] ≡ дошел)

В

В целях экономии приведу теперь лишь часть данных нашей статистики. Ею охвачены "сильные" контексты и состоящие из них эвристемы по двум отрезкам т. 1 "Поэтического Даля": А – А-ю-рей и Б – бедняжка. Подготовлены для публикации и не-

сколько более полные данные, но они еще нуждаются в дополнительной выверке. См. также статью [Григорьев 2004в]. Те цифры, что публиковались прежде, в 2003 г., менее надежны.

Указанные отрезки содержали всего $2981 + 2247 = 5228$ контекстов в $802 + 404 = 1206$ креатемах.

В "Словаре эвристам" оказалось $354 + 545 = 899$ контекстов в $364 (182 + 182)$ эвристамах (мы предпочли сравнимость по числу эвристам "на выходе").

Контексты "на входе" (авторы располагаются в алфавите фамилий, а не шифров! Для *A* в скобках указано, сколько, в том числе, контекстов с пометой *ib.*; для *B*¹ этих цифр пока нет; вопрос объединения контекстов при этой помете обсуждается):

A – Анн 83 (5), Ахм 191 (2), АБ 255 (24), Ес 108 (8), Куз 310 (35),
ОМ 242 (11), М 539 (22), П 410 (12), Хл 176 (27), Цв 667 (97).

*B*¹ – Анн 89, Ахм 122, АБ 241, Ес 130, Куз 143,
ОМ 160, М 239, П 303, Хл 275, Цв 545.

Контексты/эвристамы "на выходе" (как сказано, отрезок *B*¹ был соотнесен с *A* не по входным контекстам или креатемам, а по выходу эвристам, но не контекстов! Изменения в картинах "лидерства" от выбора иных способов соотнесения данных в альтернативных статистиках едва ли могут стать принципиальными. Но кто знает?):

$$354/182 + 545/182 = 899/364.$$

Их распределение (в скобках указаны цифры "приватизированных" эвристам; это – данные о доле "приватизированных" эвристам в кругу всех "своих" эвристам, т.е. тех, в которые вошли контексты и этого поэта, или только его; авторы указаны в порядке убывания числа "сильных" контекстов):

A – ОМ 58/37 (23), Цв 57/41 (18), Хл 50/41 (29), М 38/36 (22), П 36/32 (12),
Ахм 34/26 (9), АБ 32/26 (8), Куз 24/18 (4), Анн 13/12 (3), Ес 12/12 (4).

*B*¹ – Хл 124/64 (31), Цв 103/53 (13), М 69/45 (12), ОМ 52/36 (10), АБ 46/32 (5),
П 44/36 (16), Ахм 34/24 (7), Ес 25/21 (4), Куз 24/18 (6), Анн 24/17 (2).

"Вход" > "выход" (контексты/статьи; знаменатели: креатемы > эвристамы):

A – Хл 176/97 > 50/41, ОМ 242/156 > 58/37, Ахм 191/94 > 34/26, Анн 83/54 > 13/12,
АБ 255/89 > 32/26, Ес 108/61 > 12/12, Куз 310/148 > 24/18, П 410/219 > 36/32,
Цв 667/228 > 57/41, М – 539/214 > 38/36.

*B*¹ – Хл 275/91 > 124/64, Цв 545/156 > 103/53, М 239/106 > 69/45, ОМ 160/82 > 52/36,
АБ 241/64 > 46/32, П 303/138 > 44/36, Ахм 122/50 > 34/24, Ес 130/57 > 25/21,
Анн 89/47 > 24/17, Куз 143/63 > 24/18.

Нисколько не переоценивая достаточность этих и других цифр для того, чтобы уже можно было начать их полнозначный комментарий, обращаю все же внимание на два обстоятельства:

1) Хлебников был в своего рода "гамбитной ситуации": среди слов на букву *A* – сгущения "западных", а известно, что в их использовании он накладывал на себя сильные ограничения.

2) Как-то нейтрализуя возможную собственную "переоценку" значимости и "силы" контекстов Хлебникова, я сознательно ставил его даже в нарочитые "условия дискриминации".

Тем не менее обнаружилось его доминирование почти по всем существенным показателям отбора в эвристамы. При переходе от *A* к статьям на *B* показатели Хлебникова скакнули вверх: по контекстам с 0.28 до 0.45, по эвристам с 0.42 до 0.7.

Ср. показатели Блока:

контексты: *A* – 0.12 ("средние"), *B*¹ – 0.19 ("ниже средних");

эвристамы: *A* – 0.29, *B*¹ – 0.5 (немного "выше средних").

Сопоставим теперь суммарные показатели Хл и АБ. Они любопытны.

Суммарные авторские доли сохранения (А + Б¹):

- 1) контексты: ХЛ 0.38, ОМ 0.27, Ахм 0.22, Анн 0.21, АБ 0.16,
Ес 0.15, М 0.15, Цв 0.13, П 0.11, Куз 0.11.
- 2) креатемы: Хл 0.56, АБ 0.38, Ахм 0.34, ОМ 0.3, Анн 0.29,
Ес 0.28, М 0.25, Цв 0.24, П 0.19, Куз 0.17.

Ср. общесуммарные (по буквам), т.е. усредненные для всех 10 "наших" поэтов, коэффициенты "стойкости" при отборе:

А – контекстный 0.12, креатем в эвристеми 0.23.

Б¹ – контекстный 0.24, креатем в эвристеми 0.45.

(Не могу пока полно и уверенно объяснить причины этого внезапного и резкого скачка вверх средних цифр при переходе от А к Б.)

Средние коэффициенты "стойкости" всего материала:

контекстный 0.17, креатемно > эвристемный 0.3.

Повторяю, интерпретировать эти цифры рановато. Просто отмечу, что по контекстам Хл обгоняет АБ почти в 2,5 раза. По эвристемам они впереди всех остальных, хотя отрыв Хл от АБ и здесь значителен: в нем почти умещаются цифры эвристеми П! И остается вопрос: далеко ли мы продвинулись по пути понимания сдвига в культуре слова – от парадигмы АБ к парадигме Хл?

"Цитаты дня" нетрудно найти у многих поэтов. Но вот только два контекста Хл – подумайте, как снайперски они попадают сквозь десятилетия в самое яблочко двух трагических ситуаций. С торговым центром 11 сентября и с экипажем "Курска":

И замки мирового торгова,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.

и

Морской водой наполнив рот,
Лежат на дне отцы сирот.

* * *

В заключение – некоторое подобие выводов:

1) Было бы поучительно по сопоставимой методике провести "эвристемный анализ" таких источников, как поэзия Пушкина, "Пословицы русского народа" Вл. Даля, стихи А. Белого и его неология (сравнив последнюю с неологией и Хлебникова, и, например, Игоря-дефис-Северянина).

2) Только упомяну вопрос об особом рода идеографии креатем и эвристем. Он мог бы перерасти в головоломную проблему "идеографической силы" стоящих за ними денотатов. Не образ ли это уже "5-мерного пространства" для языка?! Здесь же возникнет и фоносемантическая проблема алфавита, "идейной значимости" начальных букв-звуков слова. Но и независимо от этой полунаучной фантастики есть задача превратить "Словарь эвристем", конечно, со временем, в такой "Словарь культуры", который сопоставлял бы контексты художественного и научного дискурсов, так чтобы опыт Хл резонировал с опытом Чехова и Бора, Тейяра, Сахарова, идеями синергетики и самой широкой эвристики. И т.д. Прогноз сбóит того, чтобы подумать: это было бы все то же 4-е или уже какое-то 6-е "измерение языка"? Заглавие этой статьи – недогматично.

(Не здесь обсуждать и тот "Мирскбнца", при котором "стрела времени", меняя направление, обернется затем у Вехи и "пан-", и "а-хронией", а Сократ, Христос, Шанкара Леонардо или Лейбниц станут для него парадоксальными "последователями (от будущего к прошлому)" как он однажды – почти без комментариев – назвал Пифагора [Григорьев 2000 154, сн. 9] Но ведь и оппозиция "мера/вера" тоже как-то претендует на языковую мерность".)

3) В "Словаре культуры" мы уже предусмотрели помету *Хм* для несогласия с такими идеями, как "Рожденный ползать – летать не может!". Надеюсь, что все *Хм* и *Хм?*, возможные в связи с этой статьей, будут напрямую высказаны.

4) Ряд важнейших для общей эвристики аббревиатур *ОПОЯз*, *МЛК*, *МФШ*, *МЛШ* и др. (имею в виду и *Хлебникова-Глаздрасмысла*) был дополнен семиотической *ТЗС*, моделями *СМЫСЛ* $\Leftrightarrow$ *ТЕКСТ* и *ТЕМА* $\Leftrightarrow$ *ТЕКСТ*, другими идеями. Вместе с тем непоколебим тезис о слове как основной единице языка. Исследовалось и отношение "Слово – Контекст", но нуждается в экспликации сам концепт контекста. Ее уже начинал нащупывать Е. Л. Гизбург – следовало бы продолжить эту работу и построить что-то вроде модели из четырех компонентов "СЛОВО $\Leftrightarrow$ КОНТЕКСТ $\Leftrightarrow$ СМЫСЛ $\Leftrightarrow$ ЗНАЧИМОСТЬ". (Предложу для нее и аббревиатуру. *СКСЗ*.) Здесь *контекст* и *высказывание* надо будет уже четко различать, поскольку встанут и вопросы такого рода: корректно ли выделение контекстов, скажем, из целостного текста анекдота?

5) Если обсуждение не подорвет предлагаемых идей в самых основах, то воображаемую филологию Хлебникова отныне надо будет ценить и как подступы к его Филологии с очень большой буквы – широчайшему охвату концептов культуры. Но я настаиваю и на более сильном тезисе уже *экспрессема* была неким звонком о неполном благополучии в основаниях действующих лингвистической и филологической парадигм. Пришла пора обсуждать их – во всех сплетениях и деталях. Это должно стать самым активным из всех актуальных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев 1965 – В. П. Григорьев. Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. М., 1965.
- Григорьев 1966 – В. П. Григорьев. О задачах лингвистической поэтики // ИАН СЛЯ 1966 № 6.
- Григорьев 1994 – В. П. Григорьев. Самовитое слово и его словарное представление // ИАН СЛЯ 1994 № 4.
- Григорьев 1999 – В. П. Григорьев. В. Хлебников. *Веха, двигава и путь* // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Григорьев 2000 – В. П. Григорьев. Будетлянин М., 2000.
- Григорьев 2003а – В. П. Григорьев. Мандельштам и Хлебников, II (1932–1936) // Русский язык в научном освещении. 2003 № 1 (5).
- Григорьев 2003б – В. П. Григорьев. Слова в контекстах русской поэзии XX века (о "Словаре избранных экспрессем") // ИАН СЛЯ 2003 № 3.
- Григорьев 2003в – В. П. Григорьев. Велимир Хлебников у входа в контекстную элиту русской поэзии XX века // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века. VIII Междунар. Хлебниковские чтения. Науч. доклады и сообщ. Ч. I. Астрахань, 2003.
- Григорьев 2003г – В. П. Григорьев. Культура языка и языковая политика // Общественные науки и современность. 2003 № 1.
- Григорьев 2004а – В. П. Григорьев. О Хлебникове-художнике (К проблемам лингвистической эстетики) // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004.
- Григорьев 2004б – В. П. Григорьев. Крестословица "Хлебников" и несколько не отмеченных в ней сюжетов и смыслов (2004; в печати).
- Григорьев 2004в – В. П. Григорьев. Диалогическая (не)интеллигентность // Общественные науки и современность. 2004 № 1.
- Григорьев 2004г – В. П. Григорьев. Блок и Хлебников в четырехмерном пространстве языка (заметки к проблеме) // Русский язык. Исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2004.

- Григорьев 2004д – В П Григорьев О четырехмерном пространстве языка (Блок и Хлебников. эвристика в парадигмальных экспрессемах) // ИАН СЛЯ 2004. № 4
- Иванов 1988 – Вяч Вс Иванов О воздействии “эстетического эксперимента” Андрея Белого (В Хлебников, В Маяковский, М Цветаева, Б Пастернак) // Андрей Белый Проблемы творчества Статьи, воспоминания, публикации М, 1988
- Левин и др 1974 – Ю И Левин Д М Сегал, Р Д Тименчик, В Н Топоров Т В Цивьян Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian literature. 1974 № 7/8
- Олейник 2004 – А Н Олейник Дефицит общения в науке: институциональное объяснение // Общественные науки и современность 2004 № 1
- Поэт и слово 1973 – Поэт и слово. Опыт словаря М, 1973
- РГАЛИ – РГАЛИ, ф. 527 (В Хлебников), оп 1, ед. хр 9, ед хр 117
- Степанов 1985 – Ю С Степанов В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) М, 1985
- СЯРП 2001–2003 – Словарь языка русской поэзии XX века Т I А–В М, 2001, Т. II Г–Ж. М 2003.
- Coseriu 1971 – E Coseriu Thesen zum Thema “Sprache und Dichtung” // Beitrage zur Textlinguistik/Hrsg von W -D Stempel Munchen, 1971